

**«ЕСТЬ НЕЧТО НЕЗЫБЛЕМОЕ,
ВСЕХ НАС ОБЪЕДИНЯЮЩЕЕ:
СВОБОДА МЫСЛИ И СОВЕСТИ»:
к юбилею нобелевских лауреатов –
Ивана Бунина и Иосифа Бродского**

УДК 821.161.1-6(Бунин И.):821.162-6(Николов М.). DOI 10.26170/FK20-02-03.
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,4+Ш33(4Бол)6-8.4. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.08

**«ЗНАЮ, ЧТО О ВАС НУЖНО ПИСАТЬ СДЕРЖАННО И ПРОСТО»:
НЕИЗВЕСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА БУНИНА
И БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КРИТИКА МАЛЧО НИКОЛОВА**

Петкова Г.

Софийский университет «Св. Климент Охридский» (София, Болгария)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1002-5183>

А н н о т а ц и я . Настоящая работа знакомит с неизвестной до сих пор перепиской 1931 и 1951 гг. между нобелевским лауреатом Иваном Буниным и болгарским литературным критиком и педагогическим деятелем Малчо Николовым (1883–1962). Письма были обнаружены в личных фондах литераторов в архивах в Лидсе (Великобритания) и Софии (Болгария), здесь они публикуются по автографам и в современной орфографии, а также подробно откомментированы и восстановлен контекст их создания. В работе представлена болгарская национальная традиция критической и научной рецепции произведений Бунина, начало которой положил профессор Софийского университета Боян Пенев в 1920 г. Эту традицию развивал в своих работах его ученик и последователь – Малчо Николов, по мнению дружившего с ним проф. П. Бицилли, «прекрасный знаток русской литературы» и «большой ценитель» бунинского таланта. Николов считал Бунина своим «самым любимым автором» и в 1926–1950-х гг. создал три статьи, тоже оставшиеся неизвестными до сих пор. Эти работы образуют единый бунинский текст, который сохранял и передавал знание о Бунине как о творце, принадлежащем вечному искусству. Из глубокого осмысления и отрефлексированного переживания бунинского творчества выросло и желание вступить в личный контакт с писателем. Если для Бунина эта переписка несколько отстраненная, демонстрирующая взгляд на собеседника сквозь славянофильскую призму родового, то за детским восторгом и взволнованностью Николова стоят рассуждающая любовь и сформированная концепция бунинского творчества. Переписка Бунина и Николова стала не только обменом письмами и дарами между «родственными по крови», по словам Бунина, и литературному ремеслу людьми, но и обменом символами Памяти в их солидарном бытии. Ее публикация в юбилейном для нобелевского лауреата году вносит свой несомненный вклад в буниноведение.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русская литература; русские писатели; литературное творчество; литературная критика; литературные критики; переписка; эпистолярный жанр.

'I KNOW THAT ONE SHOULD WRITE ABOUT YOU RESERVEDLY AND SIMPLY': AN UNKNOWN CORRESPONDENCE BETWEEN IVAN BUNIN AND BULGARIAN LITERARY CRITIC MALCHO NIKOLOV

Galina Petkova

Sofia University "St. Kliment Ohridski" (Sofia, Bulgaria)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1002-5183>

Abstract. The present publication acquaints the reader with the hitherto unknown correspondence in 1931 and 1951 between the Nobel Laureate Ivan Bunin and the Bulgarian literary critic Malcho Nikolov (1883–1962). The letters were found in the private collections of the literary figures in the Leeds (UK) and Sofia (Bulgaria) archives. Here they are published from the original texts in modernised orthography and with extensive annotations. In addition, the context of their creation has been restored. The work follows the Bulgarian national tradition of critical and scientific reception of Bunin's works, which was initiated in 1920 by Professor Boyan Penev of Sofia University. This tradition was further developed by his disciple Malcho Nikolov, who was, in the words of P. Bicilli, 'an excellent connoisseur of Russian literature' and 'a great admirer' of Bunin's talent. Nikolov considered Bunin his 'most favourite author'. In 1926–1950s, he wrote three articles which likewise remained unknown until the present. These publications form an integrated text about Bunin, which preserves and transmits knowledge about the writer as a creator belonging to eternal art. The desire to come into contact with the author arose from a deep comprehension and emotional experience of Bunin's creative work. Whereas Bunin was somewhat detached from this correspondence and it demonstrated a view of the correspondent through the Slavophile prism of tribal connectedness, Nikolov's childlike admiration and excitement were the result of reasoning love and a developed conception of Bunin's creative work. Bunin and Nikolov's correspondence became not only an exchange of letters and gifts between two people 'related by blood' (in Bunin's words) and by literary occupation, but also an exchange of symbols of Memory between individuals in solidarity. The publication of this text on the Nobel Laureate's anniversary makes its indubitable contribution to Bunin studies.

Key words: Russian literature; Russian writers; literary creation; literary criticism; literary critics; correspondence; epistolary genre.

Для цитирования: Петкова, Г. «Знаю, что о вас нужно писать сдержанно и просто»: неизвестная переписка Ивана Бунина и болгарского литературного критика Малчо Николова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 33–47. – DOI: 10.26170/FK20-02-03.

For citation: Petkova, G. (2020). 'I Know that One Should Write about you Reservedly and Simply': an Unknown Correspondence between Ivan Bunin and Bulgarian Literary Critic Malcho Nikolov. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 2, pp. 33–47. DOI: 10.26170/FK20-02-03.

Благодарности: выражаю свою коллегиальную признательность заведующему Русским архивом в Лидсе Ричарду Дэвису (Лидсский университет, Великобритания), директору Университетского архива Нового болгарского университета в Софии Ивану Звончарову (София, Болгария), д-ру филологии Ирине Беляковой (Москва), доценту Йордану Люцканову (Институт литературы при Болгарской академии наук, София), Велислав Базелковой (Национальная библиотека, София) и Максиму Рыжову (София) за их содействие в осуществлении настоящей публикации.

Acknowledgments: I express my collegial gratitude to the Head of the Leeds Russian Archive Richard Davies (University of Leeds, Great Britain), the Director of the University Archive of the New Bulgarian University in Sofia Ivan Zvancharov (Sofia, Bulgaria), Dr. Philology Irina Belyakova (Moscow), Associate Professor Yordan Lyutskanov (Institute for Literature, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia), Velislava Bazelkova (National Library, Sofia) and Maxim Ryzhov (Sofia) for their assistance in implementing this publication.

Скромная по объему переписка нобелевского лауреата Ивана Бунина и болгарского литературного критика Малчо Николова до сих пор оставалась неизвестной для исследователей. В фонде М. Николова, хранящемся в Архиве

Нового болгарского университета в Софии, летом 2018 г. я обнаружила несколько писем Ивана Бунина. Оказалось, что письма Николова сохранились в Бунинской коллекции в Русском архиве Лидского университета,

и, таким образом, удалось установить хронологию переписки. Полноценная публикация этой корреспонденции, однако, невозможна без воссоздания ее контекста – восприятия и осмысления Бунина в Болгарии, равно как и работ Малчо Николова, забытого и незнакомого, отсутствующего в библиографиях о русском писателе, вопреки его работам о Бунине¹.

Русская литература всегда имела высокую репутацию в болгарском обществе и культурном пространстве. В начале XX века неизменен оставался авторитет классической литературы. Интерес к современникам определялся их соотносимостью с «вызывающими проявлениями новаторства» [Радев 2014: 208] или с «социальной подкладкой» произведений в противовес их художественному совершенству [Чилингиоров 1933: 4]. Такие авторы, как М. Горький, М. Арцыбашев, Л. Андреев, К. Бальмонт, В. Брюсов, Ф. Сологуб, Е. Чириков, С. Юшкевич, Скиталец, привлекали внимание писательских кругов и аудитории, особенно молодежи с левыми взглядами. Этот горизонт читательских ожиданий определял и рецепцию Бунина, литературный авторитет которого утверждался медленнее. Первые переводы прозаических произведений Бунина на болгарский язык относятся к 1902 г., а с 1903 г. начинают публиковаться и переводы его поэзии.

Интерес к творчеству русского писателя значительно возрос в связи с его кратким пребыванием в Софии в феврале – марте 1920 г., куда он попал, эмигрируя из России. Сохранились свидетельства о встречах и разговорах Бунина с болгарскими писателями, переводчиками и литературными деятелями. Славянифилирующая часть интеллигенции видела в этом общении «братский прием», создающий для Бунина «домашнюю обстановку», в которой он мог «отдохнуть» [там же]. К таланту русского писателя проявлял интерес и молодой болгарский профессор-славист Боян Пенев, в архиве которого сохранились

произведения и рукописные тексты Бунина, многие критические материалы, собственные заметки о нем². Бунин побывал в гостях у Бояна Пенева и его жены – поэтессы Доры Габе, прочитавшей ему свои стихи³. Сам Пенев приложил все усилия, чтобы Бунин остался в Софии: по его инициативе Софийский университет избрал писателя-академика профессором новой русской литературы. На специальном заседании Академического совета 25 марта 1920 г. проф. Боян Пенев прочитал доклад⁴, выходящий далеко за рамки административного документа, мотивирующего подобное назначение. В нем биографические данные представлены весьма скупой, а акцент поставлен на интерпретации творчества русского писателя. Для Пенева Бунин – «счастливое сочетание большого поэтического таланта с высокой культурой, сильной поэтической интуиции с исключительно развитым художественным сознанием»⁵ [Пенев 1920/1972: 63]. Искусство Бунина выделяется как «нечто бесспорное и в высшей степени ценное» [там же: 64]. После этих выводов проф. Пенев заключал, что для Софийского университета будет честью пригласить Бунина читать лекции по русской литературе. Бунин, хотя и воспринял с «восторгом и умилением» [Чилингиоров 1933: 4] свое избрание профессором, этой чести университету не оказал и вскоре уехал во Францию. О незанятой кафедре он вспомнил в начале 1930-х гг., оказавшись в «бедственном состоянии», но из-за финансового кризиса «заступничество в его пользу не осуществилось» [там же]. Бунин, однако, «в трудных моментах своего тяжелого материального положения», как писал председатель Славянского общества проф. Н. Бобчев, «получал, хотя и скромную, помощь от братской Болгарии» [Бобчев 1933: 152].

Своим «отличным докладом» [Бобчев 1933: 152] и последующими работами Б. Пенев положил начало и стабилизировал национальную традицию критического осмысления и

¹ См., например: «Иван Алексеевич Бунин. Литература о жизни и творчестве. Материалы к библиографии (1892–1999)» [Двинятина, Лапидус 2001: 847–1011].

² См.: Научен архив на Българска академия на науките. Фонд № 37К, оп. 1, а. е. 1399–1415.

³ Информация дается по: [Кралева 1987: 78].

⁴ Доклад Бояна Пенева, написанный им самим стенографическим письмом, был расшифрован и опубликован лишь в 1972 г. [Пенев 1972: 61–64]. Далее цитаты в моем переводе с болгарского на русский язык даются по этой публикации.

⁵ Все цитаты из статей Б. Пенева и М. Николова переведены с болгарского языка на русский мной. – Г. П.

научной интерпретации бунинского творчества¹, которая впоследствии вступила в диалог с интерпретациями русских эмигрантов, живших и печатавшихся в Болгарии или в других принимающих странах. Пребывание Бунина в Софии в 1921 г. способствовало также активизации переводческой деятельности и росту переводов его произведений на болгарский язык.

Следующим импульсом для углубления рецепции Бунина в Болгарии стало присуждение ему Нобелевской премии в 1933 г., широко отраженное во многих журналах и газетах. Сам писатель посчитал нужным послать в болгарскую прессу описание торжества в Стокгольме, во время которого состоялось вручение наград нобелевским лауреатам. Этот материал опубликован в газете «Зора» («Рассвет») от 15 января 1934 г. Бунин получил многочисленные поздравления, а в приветствии от имени Славянского общества отмечалось, что его награждение является не только праздником русской литературы, но и «болгарским праздником», потому что русская литература для болгар является «стихией, почти что неотделимой от нашей духовной и, в частности, художественной культуры» [Бобчев 1933: 153]. Бунин был поставлен в ряд «великих русских писателей, прославивших имя России и всего славянства», а его чествование осмыслялось как «праздник славянского искусства и славянского гения» [там же].

Выходящая в Софии газета «Литературен глас» («Литературный голос») посвятила нобелиату Бунину отдельный номер (№ 4 от 26.XI.1933 г.), в котором были опубликованы работы болгарских писателей и русских эмигрантов в Болгарии, таких как проф. П. Бицилли и секретарь Общества русских писателей и журналистов публицист Глеб Волошин (1892–1937). Все тексты были напечатаны на болгарском языке, но это не отменяет факт сосуществования и диалога болгарской и русской эмигрантской рецепции творчества Бунина.

К почитателям и толкователям Бунина в Болгарии в 1920–1930-е гг. относится и ли-

тературный критик Малчо Николов, ученик и друг Бояна Пенева.

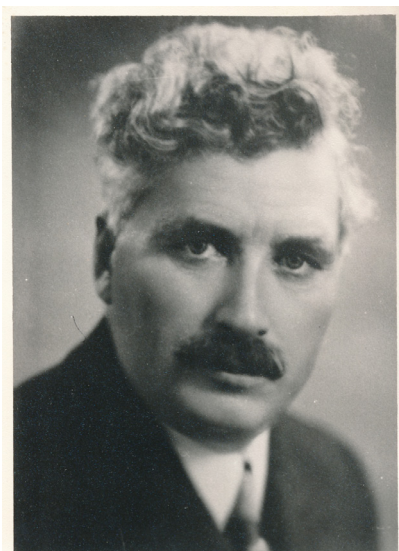

Рис. 1. Малчо Николов (1883–1962).
Университетски архив на Нов български университет (София), ф. 18 «Малчо Николов» (необработен)

Малчо Николов² родился в 1883 г. в небольшой болгарской деревне. Окончив гимназию в 1903 г., он работал несколько лет учителем. В 1908 г. поступил на отделение славянской филологии Историко-филологического факультета Софийского университета «Св. Климент Охридский». Его преподавателями были известные тогда деятели болгарской науки и культуры. По окончании университета М. Николов работал учителем болгарского языка и литературы в различных софийских гимназиях. С начала 1920-х гг. назначен инспектором в Министерстве народного просвещения, которое, оценив качества Николова, направило его в сентябре 1924 г. в годичную командировку в Австрию, Германию и Францию с задачей познакомиться с образовательными практиками и культурой этих стран. Шесть месяцев он провел в Париже, где в марте 1925 г. присутствовал на чествовании

¹ На основании всех текстов и материалов в архиве Пенева, болгарский ученый акад. Иван Радев заключает, что целью Бояна Пенева было написать «целостное исследование о Бунине» [Радев 2014: 219].

² Биографическая справка составлена на основании материалов о М. Николове, хранящихся в его фонде в Архиве Нового болгарского университета в Софии (Университетски архив на НБУ, ф. 18 «Малчо Николов»), и работ исследователей Н. Александровой [Александрова 2013: 7–34] и Л. Цветкова [Цветков 1994: 251–252].

35-летней деятельности К. Бальмонта. Дважды – в 1928–1933 гг. и 1933–1935 гг. – М. Николов исполнял должность главного инспектора болгарского языка при Министерстве народного просвещения.

Помимо поприща учителя и высшего чиновника, Малчо Николов выступал и как литературный критик и историк, активно участвовал в популяризации и осмыслении болгарского и русского литературного наследства.

После политического переворота 1944 г. М. Николов попал в изоляцию и, хотя и оставался членом Союза болгарских писателей, «был обречен на забвение и молчание» [Александрова 2014: 10]. Его книги и статьи изымались из публичных библиотек, новые не издавались и не распространялись. На основании своих работ о русской литературе ему удалось опубликовать в 1961 г. небольшую книжку «По върховете на руската литература» («Вершины русской литературы»). М. Николов умер в Софии 2 марта 1962 г.

Марксистская критика в Болгарии определяла М. Николова как «идеалиста и формалиста» [Цветков 1994: 251]. Современная гуманитаристика говорит о Николове как о «профессиональном литературоведе, хорошо владеющем актуальными для него исследовательскими подходами», у которого «развитый художественный вкус» [там же].

Интерес Николова к литературе проявился еще с детских лет, когда он читал все подряд в библиотеке своего отца. Среди книг было и много изданий на русском языке, и еще тогда Малчо Николов сам выучился читать по-русски. В своем предисловии к уже упомянутой книге «Вершины русской литературы» он отмечал, что люди его поколения начинали интересоваться русской литературой еще в гимназии, жили с ней «наравне» с болгарской литературой и находили в ней «огромное богатство жизненного содержания, широкие идейные просторы и самое главное – высокие духовные и нравственные высоты, которые являются самыми ценными качествами русского духа» [Николов 1961: 5]. Это глубинное этическое начало русской литературы Николов возвел в качестве главного оценочного критерия толкования произведений. Его интерпретаторский подход основывался на свободном выявлении литературно-исторических параллелей, ас-

социаций и ссылок в произведениях русских авторов. Забегая вперед отмечу, что это был основной метод проникновения в литературный текст и проф. П. М. Бицилли, который жил в Болгарии и преподавал в Софийском университете с 1924 г. и с которым М. Николов был знаком и особенно подружился во второй половине 1940-х гг. В своих анализах Николов акцентировал внимание на вопросах литературной техники, жанрового своеобразия и стилистики художественного произведения. Его вклад в изучение русского литературного и литературно-критического влияния в Болгарии неоспорим.

***

Сохранилось всего пять писем, которыми И. Бунин и М. Николов обменялись в 1931 и 1951 гг. Трудно предположить, что стало конкретным поводом для начала переписки между ними. Первое обнаруженное письмо – М. Николова Бунину от 16 сентября 1931 г. – свидетельствует о том, что они не были знакомы вживую, т. е. в то краткое время, пока Бунин был в Софии, М. Николов, вероятнее всего, с ним не встречался. Не удалось ему видиться с Буниным и в 1925 г. во время его специализации в Париже.

«Духовное знакомство с Буниным», по выражению Николова в письме от 16 сентября 1931 г., состоялось еще в 1905 г., после прочтения первых рассказов русского писателя. С тех пор Бунин прочно вошел в сферу интересов Николова. В 1920 г. молодой тогда критик обратился к Б. Пеневу с просьбой познакомиться с его сочинениями о Бунине. Настоящим событием для Николова стало знакомство с такими произведениями как «Господин из Сан-Франциско», «Митина любовь», «Роза Иерихона», которые он назвал «гениальными» в том же письме. Выход книги «Роза Иерихона» в 1924 г., которая стала очень популярной в Болгарии, вероятнее всего, и послужил поводом для написания первой статьи Николова «Иван Бунин в последните си произведения» («Иван Бунин в последних своих произведениях»). Работа датирована 25 января 1926 г. и опубликована впервые в том же году в журнале «Демократически преглед» («Демократический обзор») [Николов 1926: 542–552]. Впоследствии она напечатана в кни-

ге «Литературни характеристики и паралели» («Литературные характеристики и параллели»), изданной в 1928 г. [Николов 1928: 102–113]. Экземпляр этой книги с дарственной надписью Бунину был послан русскому писателю в 1931 г. вместе с первым письмом от 16 сентября 1931 г. Из этой надписи становится ясно, что М. Николов считал Бунина своим «самым любимым автором». Вероятно, благодаря именно этой надписи и статье о Бунине книга на болгарском языке сохранилась в архиве Бунина.

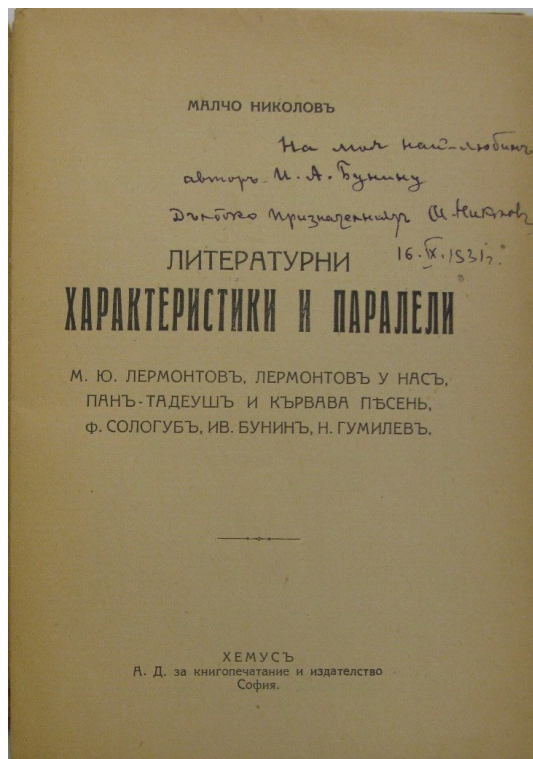

Рис. 2. Титульный лист книги

М. Николова с дарственной надписью: «На моя най-любим // автор И. А. Бунину // Дълбоко признателният М. Николов // 16. IX. 1931 г.» («Моему самому любимому // автору И. А. Бунину // Глубоко признательный М. Николов // 16. IX. 1931 г.»). Leeds Russian Archive. MS 1066/10470

Работа М. Николова представляет собой не только рецензию на книгу «Роза Иерихона», но и целостную интерпретацию бунинского творчества к тому моменту. Заглавный образ, по мнению болгарского критика, выполняет метатекстовые функции: им определяется

сущность бунинской поэзии, которая, подобно иерихонской розе, «внешне обыкновенна и проста, но с неувыдающим содержанием» [Николов 1928: 102]. К творчеству Бунина применимы слова Л. Толстого, что нет «величия без простоты» [там же].

Для поэтики Бунина характерно богатство содержания и художественный универсализм, для которого «равноценны» темнота и нищета русской деревни в «Деревне», безумный крик несчастного турка в «Крике», участь «Господина из Сан-Франциско» и чудные сны собаки Чанга («Сны Чанга») [Николов 1928: 104]. Отзывчивость Бунина ко всему существующему, жажда постичь его и слиться с ним поднимаются до «веры в существование единой вселенской души, до примиряющего и убедительного пантеизма» [там же]. В творчестве русского писателя стираются границы между сегодняшним и прошлым, между близким и далеким, микрокосмосом и макрокосмосом, поэтому у нас, как читателей, складывается впечатление, что «мы *всегда* стоим на берегу вечности» [там же: 105]. Бунин «смотрит на все *sub specie aeternitatis*» даже тогда, когда изображает преходящее, потому что умеет всегда хорошо «связать его невидимыми, но несомненными нитями с вечным» [там же: 106]. Он ставит знак равенства не только между маленьким и большим, но и между внешним и внутренним, телесным и духовным, земным и сверхземным.

Николов останавливается подробнее на разработанной Буниным с поразительной силой и тонкостью старой и банальной теме любви. Любовь в его художественном мире – неразрешимая загадка, «таинственная» как само существование, а вопрос героев «почему люблю? равнозначен вопросу почему живу?» [Николов 1928: 108]. Любовь у Бунина не только непреодолимая сила, но и синтетическое единство физического и психического, плотного духа и неодоухотворенной плоти – и в этом Бунин не только проявляет себя как «достойный ученик Флобера», но и «осуществляет мечту современного немецкого поэта и философа Эмиля Лука вернуться к [...] мифу» [там же: 109]. В этой работе, как и в своих последующих статьях, Николов предлагал многочисленные параллели и сравнения бунинского творчества с произведениями не только

поэтов и писателей, таких как Пушкин, Тургенев, Толстой, Золя, Мопассан, Флобер, но и с картинами итальянского живописца Андреа дель Сарто [там же: 103].

Далее Николов рассматривает природу у Бунина, которая не служит фоном или декорацией. Связи бунинского человека с ней сильны и неразрывны, ее воздействие на него так неотразимо, что без нее невозможен он сам, так как именно она «сокровенное, определяющее, первичное начало, а не человек» [Николов 1928: 110].

Благодаря редукции интриги в рассказах Бунина, последние становятся глубже и содержательнее, но теряют свою легкость и живость. У Бунина удивляет непостижимое сочетание тонкого детального анализа с широким всеохватывающим синтезом. В заключение Николов, используя язык и образы Бунина, формулирует его художественные истины: первая – мир невыразимо прекрасен; вторая – мир мыслим только для сумасшедших, он – невыразимое, бесконечное страдание, безмерная человеческая подлость и дикость, ужас и безобразие современности; символом третьей становится иерихонская роза как «знак веры в жизнь вечную, в воскресение из мертвых» [Николов 1928: 112–113]. Таким образом, цитируя в финале рассказ Бунина, он возвращается к образу иерихонской розы, с которого началась его собственная статья. Работа Николова не только строится на пафосе апологетики, но и являет собой «серьезный опыт критического и оценочного осмысления творчества Бунина», по словам акад. Радева [Радев 2014: 220].

В этой первой статье, как и в последующих, цитаты из произведений Бунина и заглавия его текстов приводились Николовым на русском языке, что означает, что он читал своего «самого любимого автора» в оригинале и не нуждался в посредстве перевода. Ссылки на работы Ю. Айхенвальда и Г. Адамовича свидетельствуют о том, что он был знаком с русской критической рецепцией Бунина – дореволюционной и эмигрантской.

Письмо Николова от 16 сентября 1931 г. было написано после публикации статьи и сохранило ее *родимые пятна*: в нем перечисляются

заглавия произведений Бунина, которые импонировали болгарскому критику, выводится рекомендация как *надо* писать о Бунине («сдержанно и просто»), которая, однако, не соблюдается, так как волнение и детский восторг сильнее. В этом письме Николов упоминает уже покойного тогда проф. Бояна Пенева, сделавшего так много для Бунина в Болгарии.

Бунин подтвердил получение письма и книг и, поблагодарив, «кланялся портретом», как говорил он сам, когда прилагал к письмам свою фотографию с дарственной надписью адресату¹.

Несколько лет спустя Николов откликнулся на присуждение Бунину Нобелевской премии статьей, опубликованной в литературно-критическом журнале «Златорог» за 1933 г. [Николов 1933]. В ней критик подчеркивал вклад писателя в русскую и мировую литературу, которым мотивируется его награждение, и оспаривал мнение, что этот «странный факт» имел место по «чисто гуманным соображениям» [Николов 1933: 457]. В Болгарии Бунин стал известен интеллигенции в начале XX века, когда она увлекалась Горьким, Леонидом Андреевым, Чеховым. Первые рассказы Бунина, как и его поэзия, овеванные «нежной меланхолией» [там же], роднили его с Чеховым и были весьма по сердцу и болгарскому читателю. Однако Бунин не остался на уровне своих ранних текстов, он непрестанно развивался и в последних своих произведениях, таких как «Митина любовь» и «Жизнь Арсеньева», достиг «самых высоких вершин творческой мысли» [там же]. Таким образом, Бунин занял «первое место среди живых русских писателей» [там же].

Далее Николов повторяет часть своих выводов из первой опубликованной статьи, но на материале книги «Божье древо» (1931). Он снова цитирует слова Льва Толстого, что «нет настоящего величия без простоты» [Николов 1933: 458]. Для него Бунин – «духовный потомок» великого автора «Войны и мира», к которому он относится с нескрываемым обожанием, что можно найти в воспоминаниях о Толстом в «Божьем древе» [там же].

Бунин мечтает вжиться, понять душу всякой земной твари, понять и почувствовать

¹ См., например, письмо Бунина П. М. Бицилли от 22 декабря 1937 г.: «Кланяюсь портретом, сердечно обнимаю» [Переписка И. А. Бунина и П. М. Бицилли 2010: 144]. К письму была приложена фотография Бунина с дарственной надписью Бицилли [там же].

все, попасть в отдаленное прошлое и в далекие незнакомые страны. Все это раскрывает его «художественный универсализм» и «высокий объективизм», который «верит не в первичность личного, эгоцентрического начала, а в сверхиндивидуальную мировую душу и ставит род выше вида, океан выше волн» [Николов 1933: 458].

Николов и на этот раз подчеркивает, что взгляд Бунина внимателен к любому значимому факту – «к большому и маленькому, будь это океан или майский жучок» [Николов 1933: 458]. Не темы, а способ видения и изображения сложного комплекса жизненных явлений делает его рассказы и стихи такими содержательными и новыми. У него счастливо сочетаются необыкновенно острая восприимчивость с редким даром понимать сложнейшие и тончайшие душевные движения и состояния – и в этом отношении Бунин «достойный ученик Флобера» [там же]. Кроме предложенных уже параллелей с Чеховым, Тургеневым, Флобером, Золя, Мопассаном, Николов сравнил пантеизм Бунина и Шелли, а из критической литературы приводил отзывы датского критика Г. Брандеса о «Митиной любви».

Особое новаторство и своеобразие Бунина проявляется в разработке старой, но нестареющей темы любви, которая остается «неразгаданной» для самих героев [Николов 1933: 459]. Страницы «Митиной любви», на которых представлена «сложная психофизиология юношеской любви», по мнению Николова, предлагают «богатый материал для психоаналитиков» [там же]. В конце статьи М. Николов заключает, что все перечисленные достоинства бунинской прозы были оценены не только русской, но и зарубежной критикой.

***

Второй обмен письмами состоялся в июне – июле 1951 г. и при посредничестве проф. П. М. Бицилли, который знал Бунина еще по Одессе¹, а в эмиграции переписывался с ним из Софии с 1931 г. [Переписка И. А. Бу-

нина и П. М. Бицилли 2010: 119–178]. Из писем Бицилли к Бунину видно, что русский профессор-эмигрант подружился с М. Николовым во второй половине 1940-х гг. Судя по всему, это произошло после установления нового политического режима в 1944 г., когда Бицилли и Николов на фоне их социальной маргинализации, вероятно, нашли общий язык и общие темы для обсуждений. В фонде профессора Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского Дома сохранились два оттиска статей М. Николова на болгарском языке – о Пушкине (по поводу столетия его смерти) и о современном советском романе, без датировок, оба с дарственными надписями тоже на болгарском языке². Работа Николова о Пушкине опубликована в 1937 г. [Николов 1937: 1–7], о советском романе – в 1932-м [Николов 1932: 356–367]. Дарственная надпись на оттиске со статьей Пушкина датирована 1946 годом³, другая дарственная надпись – без датировки⁴, но, вероятнее всего, и статья о советском романе была подарена в тот период. Еще в 1947 г., в письме от 5 июня, Бицилли передавал Бунину «поклон» от одного его «здешнего читателя и почитателя, Малчо Николова», которого характеризовал как «большого знатока русской литературы и человека с настоящим художественным чутьем» [Переписка И. А. Бунина и П. М. Бицилли 2010: 159]. Эту свою оценку он повторил и в 1950 г., когда 15 декабря отправил Бунину свои и Николова поздравления с юбилеем:

«Дорогой Иван Алексеевич, шлю Вам от себя и от Вашего здешнего знакомого, Малчо Николова – я в последнее время подружился с ним и убедился, что он прекрасный знаток русской литературы, а в частности большой ценитель Вашего творчества, – поздравления с днем Вашего рождения» [Переписка И. А. Бунина и П. М. Бицилли 2010: 166].

До этого, в октябре 1950 г., Бунину исполнилось 80 лет. Может быть, именно эта годовщина стала поводом для написания третьей статьи М. Николова о Бунине, опубликован-

¹ См. вступительную статью Т. Двинятиной к публикации корреспонденции Бунина и Бицилли [Переписка И. А. Бунина и П. М. Бицилли 2010: 109–118].

² Информация дается по: [Герашко, Кудрявцев 2009: 218].

³ «На г. проф. П. Бицилли с уважением М. Николов. 15.I.1946» («Г[ну] проф. П. Бицилли с уважением М. Николов. 15.I.1946» [Герашко, Кудрявцев 2009: 218].

⁴ «На уважаемая г. П. Бицилли. М. Николов» («Уважаемому г[ну] проф. П. Бицилли. М. Николов») [Герашко, Кудрявцев 2009: 218].

ной в уже упомянутой книжке «Вершины русской литературы» [Николов 1961]. После переворота 9 сентября 1944 г. интерес к советской литературе и – сквозь ее призму – к русской литературе «критического реализма» обосновывался не только автономными литературоведческими аргументами. Воспользоваться конъюнктурой, вероятно, стало единственной возможностью для такого неблагонадежного в то время автора, как М. Николов, издать книгу. В ней собраны его работы, написанные в 1920–1950-х гг.: о Пушкине и о связях Пушкина с болгарскими поэтами, о поэзии Лермонтова, о комизме Гоголя, о гении Л. Толстого, о Чехове, о молодом Горьком и о романе «Петр Первый» А. Толстого, о Л. Леонове в «Барсуках» и «Соти», о «Тихом Доне» и «Поднятой целине» М. Шолохова. Между представителями русской классической литературы и советскими писателями предусмотрительно втиснут Бунин, статья о нем напечатана после статьи о Горьком и предшествует тексту о «Петре Первом» А. Толстого.

Статья имеет двойную датировку – «1928–1950», если она и была закончена десять лет назад, в 1950 г., то, скорее всего, тогда не могла быть напечатана. В 1950 г. в Болгарии была создана главная дирекция, осуществляющая цензуру в области литературной и издательской деятельности и контролирующая книгоиздание. Этот государственный орган просуществовал до 1956 г., но и после его закрытия никто не отменил составление списков «вредной литературы», подлежащей изыманию из библиотек и уничтожению, которое продолжалось до начала 1960-х гг. В этой атмосфере тотального контроля выход статьи об эмигранте Бунине вряд ли был возможен. Во всяком случае, информации о более ранней публикации работы до 1961 г. мне не удалось найти.

В самой статье тоже были предприняты меры, чтобы усыпить цензуру. Она озаглавлена нейтрально, только по имени автора – «Иван Бунин», в отличие от названий других работ, где присутствуют или тематический ракурс, или акцент на рецепции соответствующего поэта / писателя в Болгарии¹. В абсолютное начало текста, мотивирующее неслучайный инте-

рес советских читателей к Бунину, поставлена цитата М. Горького, который, несмотря на то, что Бунин «проявил враждебность к советской власти», «советовал русским писателям учиться у него языковому мастерству» [Николов 1961: 158]. Далее Николов ссылается и на другого авторитетного русского классика – А. Чехова, сравнившего в письме к Бунину один из его рассказов со «сгущенным бульоном»². Именно эта «компактная содержательность и языковое мастерство», обобщает Николов, являются «самыми существенными качествами произведений Бунина, вопреки консервативности его мировоззрения» [там же]. И тут же он сравнивает Бунина с признанным представителем «критического реализма» – Бальзаком. Бунин «как» Бальзак «был и остался убежденным монархистом» [там же]. Так, во вступительном абзаце помещается и нелицеприятная информация о Бунине (эмигрант и монархист), и оправдание перед критикой / цензурой за счет авторитетного слова известных в соцреалистическом критическом каноне фигур. Далее инкорпорирана почти полностью первая статья Николова, опубликованная в его книге 1928 г. и посланная Бунину. Этот уже знакомый текст начинается со слов Л. Толстого, что «нет величия без простоты», и кончается разработкой темы любви, остающейся для самих героев и героинь Бунина слепой, страшной и властной силой.

Акцент на художественной универсальности, которого до сих пор придерживался Малчо Николов в своих интерпретациях, явно оказывался недостаточным для осуществления / защиты публикации. Критик был вынужден дополнить свой текст анализом общественных отношений: благодаря им творчество Бунина становится «намного богаче и интереснее» [Николов 1961: 163]:

«Его [Бунина – Г. П.] консервативно-монархические убеждения, например, не мешали увидеть темноту в дореволюционной русской действительности и на первом месте – в русской деревне – в двух повестях (названных им поэмами) „Деревня“ и „Суходол“ и представить ее с удивительной правдивостью» [Николов 1961: 164].

¹ См. например: «Пушкин и българските поети» («Пушкин и болгарские поэты»), «Ранният Горки и през нашата младост» («Ранний Горький и наша молодость») [Николов 1961: 27, 153].

² Речь идет о рассказе «Сосны», Чехов пишет о нем Бунину в письме от 15 января 1902 г. из Ялты.

Повести «Деревня» и «Суходол» раскрывают одинаково несостоятельную жизнь и крестьян, и аристократии. Если для первых характерны консервативность, грубое суеверие, невежество и озлобленность, то и вторые доходят до полного разорения и нищеты из-за паралича воли и неспособности разумно устроить жизнь. Автор статьи предлагает интересную параллель героинь – Молодой («Деревня») и Натальи («Суходол»), видя в них обеих «символ безграничного русского терпения и страдания» [Николов 1961: 165]. В образе Натальи представлена с большой психологической мощью «душа покорной, преданной женщины-жертвы, со всей ее иррациональной сущностью» [там же].

Во второй части статьи, где акцент делается на социальной тематике, Николов сравнивает Бунина только с русскими классиками, при этом очень осторожно и в ожидаемых ракурсах: например, «вырождающееся» старое барство в «Суходоле» напоминает своей беспомощностью героев Чехова из «Вишневого сада». Бунин роднит с Горьким и Достоевским то, что они показывают «жестокость как одну из главнейших особенностей прежнего русского быта» [Николов 1961: 166]. Параллели и сравнения с творчеством и персонажами Флобера, Золя, Мопассана остались нетронутыми, такими, какими они были в варианте публикации 1928 г.

Бунин интересуется не только русской действительностью до революции, но создает и прекрасные рассказы о жизни чужих, далеких стран, как «Господин из Сан-Франциско» и особенно «Братья». Оба рассказа наполнены социальным пафосом и «достигают глубокого общего синтеза» [Николов 1961: 171], раскрывающего ужасную в своей безвыходности философию необузданного человеческого индивидуализма и эгоизма. Избегая прямолинейных выводов, М. Николов подчеркивает, что мрачная философия Бунина относится в одинаковой степени и к рабам, и к господам.

Болгарский критик останавливается и на романе «Жизнь Арсеньева», в котором видит

«расширенную, богато содержательную поэтическую автобиографию» [Николов 1961: 174]. Он заканчивает свою статью, напоминая финал романа, «когда герой, т. е. Бунин» падает на колени у гроба великого князя и плачет:

«Этот эпизод приобретает символическое значение. В сущности, это похороны монархии, и вся картина безнадежна, как безнадежны произведения автора, написанные после революции. Нет ничего естественнее этого для убежденного монархиста, который и до революции в большинстве своих произведений видит темноту жизни, ее трагическую безнадежность» [Николов 1961: 174].

В этом последнем абзаце «монархист» отсылает к началу текста. Вероятно, подобное обрамление служило своеобразной *защитой* для работы. В тексте использованы опорные политкорректные слова, которые должны присутствовать, чтобы публикация состоялась, но эта лексика оставалась *неактивированной* с точки зрения классовой оценки, создавая тем самым многоплановые смысловые поля.

Судя по двойной датировке (1928–1950), текст статьи, вероятно, дописывался и оформлялся на рубеже 1940–1950-х гг., когда Бицилли и М. Николов общались между собой, Бицилли и Бунин обменивались письмами, а бунинский юбилей только предстоял. Известно, узнал ли Бунин о существовании этой статьи. Но Малчо Николова он помнил и в ответах к Бицилли передавал ему свои поклоны и приветия¹. С другой стороны, Бунин в письме к М. Николову от 24 июня 1951 г. называл Бицилли их «общим другом». Так создавалась общность – поверх барьеров, – которая служила для них троих духовным пространством, спасающим от невзгод, старения, разочарований, социальной маргинализации. Бицилли и Николов не только сошлись в своей симпатии к Бунину и оценке его творческого мастерства, но и обменивались информацией о полученных бунинских письмах². Видимо, они обсуждали и житейские обстоятельства Бунина, и проблемы его здоровья, о которых писатель регулярно сообщал Бицилли. Эти проблемы

¹ См. письмо Бунина к Бицилли от 22 декабря 1950 г.: «Дорогой Петр Михайлович, очень рад был узнать, что Вы живы и хоть сравнительно здоровы, очень благодарю Вас и г. Малчо Николова, что вспомнили меня...» [Переписка И. А. Бунина и П. М. Бицилли 2010: 168]; письмо к Бицилли от 14 июня 1951 г.: «Мой поклон г. Малчо Николову» [там же: 170].

² Бицилли писал Бунину 9 января 1951 г. «На днях пойду к Малчо Николову, снесу ему „Начальную любовь“ и прочту Ваше письмо» [Переписка И. А. Бунина и П. М. Бицилли 2010: 169].

стали поводом для возобновления переписки М. Николова и Бунина в 1951 г. М. Николов в сочувственном письме к Бунину засвидетельствовал от имени многих ценителей таланта русского писателя в Болгарии почтение к его творчеству и выразил надежду на скорейшее восстановление его здоровья. Эта поддержка была встречена Буниным с благодарностью.

Представленные здесь весьма пространно и остававшиеся до сих пор неизвестными статьи М. Николова раскрывают его как вдумчивого читателя и тонкого интерпретатора творчества Бунина и свидетельствуют об уровне болгарского рецептивного сознания в продолжение нескольких десятилетий. Они образуют единый *бунинский текст*, который дописывался во времени, но в своем акценте на поэтике творчества русского писателя был неизменен. Обращенный к различным поколениям читателей – в 1928, 1933 и в 1961 гг. – этот текст сохранял и передавал знание о Бунине как о творце, *принадлежащем вечному искусству*, и бесспорном таланте. Из этого глубокого осмысления и отрефлексированного переживания бунинского творчества выросло и желание вступить в личный контакт с писателем. Несмотря на то, что Николов знал русский язык, он писал Бунину письма по-болгарски, может, боялся ошибиться и так разочаровать значимого другого. Если для Бунина эта переписка несколько отстраненная, демонстрирующая взгляд на собеседника сквозь славянофильскую призму родового – как на, по его словам, «родственного по крови человека», которому можно и «кланяться портретом», то за детским восторгом и взволнованностью Николова стоят *рассужда-*

ющая любовь и сформированная концепция бунинского творчества. В отношении к Бунину со стороны М. Николова проявились разные аспекты отношений к другому, которые типологизировал Цветан Тодоров: «любить другого»; «приближаться к нему», принимая его ценности; «познавать другого», при этом в познании «нет ничего абсолютного», а наблюдается «градация» в степенях этого познания [Тодоров 2020: 211]. И хотя между этими аспектами не всегда возможны соответствия и зависимости, в случае рецепции Бунина Николовым они пребывают, скорее всего, в гармонии между собой и обеспечивают полноценное общение между субъектами. Частью этого общения была и публикуемая переписка Бунина и Николова, которая стала не только обменом письмами и дарами между родственными по крови и литературному ремеслу людьми, но и *обменом символами Памяти* в их солидарном бытии.

Письма М. Николова публикуются по оригиналам на болгарском языке и в моем переводе на русский язык. Все письма публикуются по автографам и в современной русской и современной болгарской орфографии. Смысловые выделения, предпринятые мной в цитатах или в моем тексте, даются курсивом. Расшифровка сокращений слов в цитатах и письмах дана в квадратных скобках.

1.

Малчо Николов – Ивану Бунину¹

16 септември 1931 г. София

[перевод с болгарского на русский язык²]

16.IX.1931, София

Многоуважаемый господин Бунин,

¹ Публикуется по: [Leeds Russian Archive. MS 1066/4034].

² Оригинал письма на болгарском языке:

16.IX.1931, София

Многоуважаеми господин Бунин,

Вашето сърдечно писмо ми донесе такава необикновена радост, каквато съм преживявал само през детските си години. Благодаря Ви от цялата си душа и Ви уверявам, че никога няма да забравя вниманието, с което се отнесохте към мене! Отдавна исках да Ви пратя моята книга, но не Ви знаех адреса. Днес Ви я пращам заедно с другата си книга върху български писатели.

Духовното ми запознанство с вас е още от 1905 г., когато прочетох първите Ви разкази. Същинско събитие обаче в моя живот бе прочитането на последните Ви гениални работи «Господин из С. Франциско», «Митина любов», «Роза Иерихона» и пр. Не можах да се съдържа – тъй бях завладян – и написах статията си за Вас през 1926 г. Боя се, че тонът ми няма да Ви се понрави. Зная, че за Вас, както и за Толстия, трябва да се пише само съдържано и просто. А аз не умея това.

Колко исках да Ви видя в Париж! (Там бях през 1925 г., но Вас, за съжаление, Ви нямаше).

Говорили сме много за Вас с моя приятел професор Боян Пенев, чиято загуба още живо чувствавам.

Приемете моите сърдечни привети и най-хубави пожелания! Дано Бог Ви даде сили да създадете нови творения, които цял културен свят очаква с такава жажда...

Ваш: М. Николов

PS. Съжалявам, че в книгата ми има доста печатни грешки.

МН

Ваше сердечное письмо принесло мне такую необыкновенную радость, которую я переживал только в детские годы. Благодарю Вас от всей души и уверяю Вас, что никогда не забуду внимание, с которым Вы отнеслись ко мне!

Я давно хотел послать Вам мою книгу¹, но не знал адреса. Сегодня посылаю ее Вам вместе с другой книгой о болгарских писателях².

Духовное знакомство с Вами состоялось еще в 1905 г., когда прочитал первые Ваши рассказы. Настоящим событием, однако, в моей жизни стало чтение последних Ваших гениальных работ – «Господина из С[ан-]Франциско», «Митиной любви», «Розы Иерихона» и пр. Я не мог сдержаться – я был так увлечен – и написал свою статью о Вас в 1926 г.³. Боюсь, что мой тон не понравится Вам. Знаю, что о Вас, как и о Толстом, нужно писать сдержанно и просто. А я не умею этого.

Как мне хотелось видеть Вас в Париже! (Я был там в 1925 г., но Вас, к сожалению, не было⁴).

Мы много говорили о Вас с моим другом профессором Бояном Пеневым⁵, потерю которого еще живо чувствую.

Примите мои сердечные приветы и наилучшие пожелания! Пусть Бог даст Вам силы создать новые произведения, которые весь культурный мир ожидает с таким нетерпением...

Ваш: М. Николов

PS. Жалею, что в книге так много опечаток.
МН

2.

Иван Бунин – Малчо Николову⁶

23 сентября 1931 г. Грасс

Очень, очень благодарю Вас, дорогой и многоуважаемый господин Николов, за Ваше доброе письмо и книги!

Преданный Вам

Ив. Бунин

3.

Малчо Николов – Ивану Бунину⁸

7 июня 1951 г. София

[перевод с болгарского на русский язык⁹]

София, 7.VI.1951 г.

¹ В фонде Бунина Русского архива Лидского университета сохранилась книга М. Николова «Литературные характеристики и параллели» [Николов 1928]. В ней опубликована статья «Иван Бунин в последние си произведения» («Иван Бунин в последних своих произведениях»). На титульном листе книги дарственная надпись на болгарском языке: «На моя най-любим // автор И. А. Бунину // Дълбоко признателният М. Николов // 16.IX.1931 г.» («Моему самому любимому // автору И. А. Бунину // Глубоко признательный М. Николов // 16.IX.1931 г.») [Leeds Russian Archive. MS 1066/10470].

² Книга М. Николова с литературными характеристиками болгарских писателей вышла двумя изданиями – первым в 1927 г. и вторым расширенным, согласно каталогу Национальной библиотеки Болгарии, – в 1930 г. [Николов 1927; Николов 1930]. Трудно предположить, какое издание Николов послал Бунину. Эта вторая книга, относящаяся только к болгарской литературе, не сохранилась.

³ Имеется в виду уже упоминавшаяся статья «Иван Бунин в последних своих произведениях», которая была опубликована впервые в журнальном варианте [Николов 1926].

⁴ Речь идет о командировке, во время которой М. Николов провел в Париже полгода в начале 1925 г.

⁵ Пенев, Боян (1882–1927) – болгарский литературный историк и критик, ординарный профессор болгарской и славянской литературы, учитель и близкий друг Малчо Николова. Первым стал читать с 1913 г. систематические курсы по истории новой русской литературы. В некрологе о нем, опубликованном в газете «Россия и славянство», русский ученый-эмигрант и профессор Софийского университета П. Бицилли писал: «Тот, кто находился в личном общении с покойным, знает, как много он мог бы дать по истории русской литературы при его начитанности, тонком вкусе, превосходном методе, остроте критического чутья. Научное же наследие его в этой части невелико: смерть (он умер всего 45 лет от роду) прервала его деятельность как раз тогда, когда он почувствовал себя в области истории русской литературы уже не учеником, а хозяином» [Бицилли 1927: 2].

⁶ Публикуется по: Университетски архив на Нов български университет (София), ф. 18 «Малчо Николов» (необработан).

⁷ Вместе с письмом получена фотография Бунина с дарственной надписью на лицевой стороне. В верхнем правом углу датировка: «23.IX.31 // Grasse, // А. М.». В поле ниже портрета надпись: «Многоуважаемому господину Николову // сердечно Ив. Бунин».

⁸ Публикуется по: [Leeds Russian Archive. MS 1066/4035].

⁹ Письмо в оригинале на болгарском языке:

София, 7.VI.1951 г.

Многоуважаеми господин Бунин,

Петр Михайлович Бицилли, с когото често говорим за Вас, ми съобщава за Вашето недобро здравословно състояние напоследък.

Моля да приемете моите най-горещи съчувствия и пожелания да възстановите в най-скоро време Вашето здраве и спокойствие!

Дано за Вас да бъде една малка утеха и радост факта, че и у нас Вие имате – и то измежду добрите писатели и читатели, горещи почитатели, които живо се интересуват за Вас

Многоуважаемый господин Бунин,

Петр Михайлович Бицилли¹, с которым мы часто говорим о Вас, сообщил мне о нехорошем состоянии Вашего здоровья в последнее время.

Прошу Вас принять мое самое горячее сочувствие и мои пожелания скорейшего восстановления Вашего здоровья и спокойствия!

Да будет Вам утешением и радостью факт, что и у нас Вы имеете – при этом среди хороших писателей и читателей – горячих читателей, которые живо интересуются Вами.

С самыми сердечными приветами

М. Николов

4.

Иван Бунин – Малчо Николову²

24 июня 1951 г. Париж

Париж, 24. VI. 1951

Дорогой и многоуважаемый господин Николов,

Чрезвычайно тронут сердечностью Вашего письма ко мне, добрыми словами родственного по крови человека. Благодарю Вас от всей души и прошу простить меня, что так поздно отвечаю Вам: стоит у нас такая дурная погода, что я особенно страдаю от астмы и принужден проводить почти все время в постели. Позвольте крепко пожалать Вашу руку и просить передать мои наилучшие чувства нашему общему другу Петру Михайловичу Бицилли. Ваш Иван Бунин

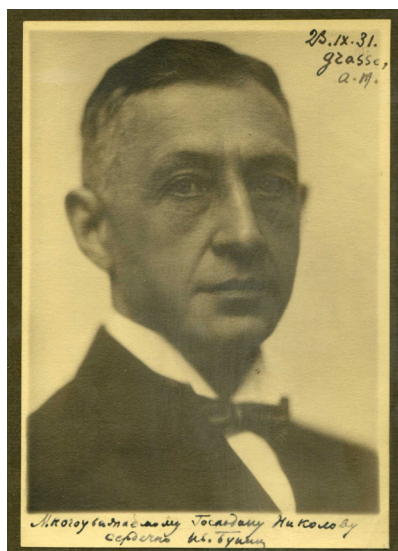

Рис. 3. Фотография Бунина с дарственной надписью от 23 сентября 1931 г.:

«Многоуважаемому господину Николову // сердечно Ив. Бунин».

Университетски архив на Нов български университет (София),
ф. 8 «Малчо Николов» (необработен)

5.

Малчо Николов – Ивану Бунину³

23 июля 1951 г. София

[перевод с болгарского на русский язык⁴]

София, 23.VII.1951 г.

Дорогой и многоуважаемый господин Иван Алексеевич,

С най-сърдечни поздрави

М. Николов

¹ Русский ученый-эмигрант П. Бицилли преподавал в Софийском университете с 1924 по 1948 г. в должности «ординарного профессора по контракту». Все эти годы он заведовал кафедрой новой и новейшей истории Историко-филологического факультета. Истечение последнего трехлетнего договора Бицилли 1 июля 1948 г. и достижение им 65-летнего возраста, предельного для университетских преподавателей, стали формальной причиной для его освобождения от должности. Отправление на пенсию имело для Бицилли и другие тягостные последствия – как «иностранец по контракту», он покидал службу без права на финансовое обеспечение и оставался без всяких средств к существованию. Несмотря на ходатайство его коллег по факультету и ректора Софийского университета, профессору не дали пенсию. В 1949 г. Бицилли получил болгарское гражданство. Через два года в письме Бунину от 11 мая 1951 г. Бицилли сообщал: «О себе не могу сказать ничего хорошего – разве лишь то, что, кажется, скоро начну получать пенсию» [Переписка И. А. Бунина и П. М. Бицилли 2010: 178]. И в конце добавлял: «Полное одиночество, тоска, скука, томительное безделье и предвкушение приближающегося перехода в Ничто» [там же].

² Публикуется по: Университетски архив на Нов български университет (София), ф. 18 «Малчо Николов» (необработен).

³ Публикуется по: [Leeds Russian Archive. MS 1066/4036].

⁴ Оригинал письма на болгарском языке:

София, 23.VII.1951 г.

Драги и многоуважаеми господин Иван Алексеевич,

Вашето мило задушевно писмо ми донесе една рядка духовна радост. Благодаря Ви от все сърце и Ви моля да ме простите, че се забавих с отговора си: бях доста зает, пък и исках да мине повече време, през което да дойде и едно подобрене в здравето Ви. Сега у нас настъпиха хубави летни дни; дано и в Париж да е така, та и Вашите страдания от болестта да намалее и изчезнат! И това е не само мое пожелание, а и на всички, които с такъв интерес следят Ва-

Ваше милое душевное письмо принесло мне особую духовную радость. Благодарю Вас от всего сердца и прошу Вас простить меня, что задержался с ответом: я был очень занят, но также хотел, чтобы прошло достаточно времени, когда произошло бы и улучшение Вашего здоровья. У нас теперь наступают хорошие летние дни; хочется надеяться, что и в Париже наступит такая погода, и Ваши страдания, вызванные болезнью, уменьшатся

и исчезнут! Этого желаю Вам не только я, но и все, кто с таким интересом следит за Вашим творчеством, радуются ему и ценят его так высоко. Надеюсь, что в ближайшее время мы услышим радостную весть, что Вы чувствуете себя лучше и уже совершенно здоровы!

Сердечно жму Вашу руку и прошу принять мои и П[етра] Михайловича самые лучшие чувства и пожелания.

Ваш: М. Николов

Литература

- Александрова, Н. Литературният критик и историк Малчо Николов и неговите златорожки страници / Н. Александрова // Малчо Николов. Златорожки страници. – София : Нов български университет, 2013. – С. 7–34.
- Бицилли, П. М. Памети проф. Б. Пенева / П. М. Бицилли // Последние новости. – 26.07.1927. – № 2316. – С. 2.
- Бобчев, Н. Нобелевският лауреат Ив. Бунин и българите / Н. Бобчев // Славянски глас. – 1933. – № 3–4. – С. 151–155.
- Герашко, Л. В., Кудрявцев, В. Б. Фонд профессора П. М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского дома / Л. В. Герашко, В. Б. Кудрявцев // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2009. – С. 57–222.
- Двинятина, Т. М. Иван Алексеевич Бунин. Литература о жизни и творчестве. Материалы к библиографии (1892–1999) / Т. М. Двинятина, А. Я. Липидус // И. А. Бунин: про et contra: личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология. – Санкт-Петербург : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001. – С. 847–1011.
- Кралева, С. Докосване до Дора Габе / С. Кралева. – София : Издателство на Отечествения фронт, 1987. – 252 с.
- Николов, М. Иван Бунин в последните си произведения / М. Николов // Демократически преглед. – 1926. – № 8. – С. 542–552.
- Николов, М. Литературни характеристики на българските писатели от Ботева до Дебелянова / М. Николов. – София : Хемус, 1927. – 140 с.
- Николов, М. Литературни характеристики и паралели: М. Ю. Лермонтов; Лермонтов у нас; Пан Тадеуш и Кървава песен; Ф. Сологуб; Ив. Бунин; Н. Гумилев / М. Николов. – София : Хемус, 1928. – 124 с.
- Николов, М. Литературни характеристики на българските писатели от П. Р. Славейков до Димчо Дебелянов / М. Николов. – София : Хемус, 1930. – 204 с.
- Николов, М. За съвременния съветски роман / М. Николов // Философски преглед. – 1932. – № 4. – С. 356–367.
- Николов, М. Бунин. По случай награждаването му с Нобеловата премия / М. Николов // Златорог. – 1933. – № 10. – С. 457–459.
- Николов, М. Мъдрост в поезията на Пушкина (По случай стогодишнината от смъртта му) / М. Николов // Философски преглед. – 1937. – № 1. – С. 1–7.
- Николов, М. По върховете на руската литература / М. Николов. – София : Български писател, 1961. – 208 с.
- Пенев, Б. Стенографски доклад от 1920 г., който препоръчва пред Академическия съвет Иван Бунин да чете лекции по руска литература. Публикация Д. Вълчанова / Б. Пенев // Език и литература. – 1972. – № 3. – С. 61–64.
- Переписка И. А. Бунина и П. М. Бицилли (1931–1951). Вступительная статья Татьяны Двинятиной. Публикация Татьяны Двинятиной и Ричарда Дэвиса // И. А. Бунин. Новые материалы / сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. – Москва : Русский путь, 2010. – Вып. 2. – С. 109–178.
- Радев, И. Иван Алексеевич Бунин и българската литература / И. Радев // Българско-руски срещи в литературата на XIX–XX век. – София : Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2014. – С. 199–230.
- Тодоров, Ц. Завладяването на Америка. Въпросът за другия / Ц. Тодоров. – София : Изток – Запад, 2010. – 323 с.
- Чилингиров, С. Иван Алексеевич Бунин в София / С. Чилингиров // Литературен вестник. – 1933. – № 210. – С. 4.
- Цветков, Л. Малчо Николов / Л. Цветков // Речник по нова българска литература. – София : Хемус, 1994. – С. 251–252.

Архиви

Научен архив на Българска академия на науките.
Университетски архив на Нов български университет (София).
Leeds Russian Archive.

шите творения, радват им се и ги ценят тъй високо. Дано в най-близко време чуем радостната вест, че сте по-добре и съвършено здрав!

Сердечно Ви стискам десницата и моля да приемете моите и на П. Михайлович най-хубави чувства и пожелания.
Ваш: М. Николов

References

- Aleksandrova, N. (2013). Literaturniyat kritik i istorik Malcho Nikolov i negovite zlatorozhki stranitsi [Literary critic and historian Malcho Nikolov and his golden pages]. In *Malcho Nikolov. Zlatorozhki stranitsi*. Sofiya, Nov bulgarski universitet, pp. 7–34.
- Bitsilli, P. M. (1927). Pamyati prof. B. Peneva [In memory of Professor B. Penev]. In *Poslednie novosti*. No. 2316, p. 2.
- Bobchev, N. (1933). Nobelevskiyat laureat Iv. Bunin i bulgarite [Nobel laureate Iv. Bunin and the Bulgarians]. In *Slavyanski glas*. No. 3–4, pp. 151–155.
- Chilingirov, S. (1933). Ivan Alekseevich Bunin v Sofiya [Ivan Alekseevich Bunin in Sofiya]. In *Literaturen vestnik*. No. 210, p. 4.
- Dvinyatina, T. M., Lapidus, A. Ya. (2001). Ivan Alekseevich Bunin. Literatura o zhizni i tvorchestve. Materialy k bibliografii (1892–1999) [Ivan Alekseevich Bunin. Literature about life and work. Materials for bibliography (1892–1999)]. In *I. A. Bunin: pro et contra: lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei: Antologiya*. Saint Petersburg, Izd-vo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, pp. 847–1011.
- Gerashko, L. V., Kudryavtsev, V. B. (2009). Fond professora P. M. Bitsilli v Rukopisnom otdele Pushkinskogo doma [Foundation of Professor P. M. Bicilli in the Manuscript Department of the Pushkin House]. In *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2005–2006 gody*. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin, pp. 57–222.
- Krалева, S. (1987). *Dokosvane do Dora Gabe* [Touching Dora Gabe]. Sofiya, Izdatelstvo na Otechestveniya front. 252 p.
- Nikolov, M. (1926). Ivan Bunin v poslednite si proizvedeniya [Ivan Bunin in his latest works]. In *Demokratcheski pregled*. No. 8, pp. 542–552.
- Nikolov, M. (1927). *Literaturni kharakteristiki na bulgarskite pisateli ot Boteva do Debelyanova* [Literary characteristics of Bulgarian writers from Boteva to Debelyanova]. Sofiya, Khemus. 130 p.
- Nikolov, M. (1928). *Literaturni kharakteristiki i paraleli: M. Yu. Lermontov; Lermontov u nas; Pan Tadeusz i Kurvava pesen; F. Sologub; Iv. Bunin; N. Gumilyov* [Literary characteristics and parallels: M. Yu. Lermontov; Lermontov with us; Pan Tadeusz and Bloody Song; F. Sologub; Iv. Bunin; N. Gumilev]. Sofiya, Khemus. 124 p.
- Nikolov, M. (1930). *Literaturni kharakteristiki na bulgarskite pisateli ot P. R. Slaveykov do Dimcho Debelyanov* [Literary characteristics of Bulgarian writers from P. R. Slaveykov to Dimcho Debelyanov]. Sofiya, Khemus. 145 p.
- Nikolov, M. (1932). Za suvremenniya suvetski roman [For the modern Soviet novel]. In *Filosofski pregled*. No. 4, pp. 356–367.
- Nikolov, M. (1933). Bunin. Po sluchaj nagrazhdavaneto mu s Nobelovata premiya [Bunin. On the occasion of his awarding the Nobel Prize]. In *Zlatorog*. No. 10, pp. 457–459.
- Nikolov, M. (1937). Mudrost v poeziyata na Pushkina (Po sluchaj stogodishninata ot smurta mu) [Wisdom in Pushkin's poetry (On the occasion of the centenary of his death)]. In *Filosofski pregled*. No. 1, pp. 1–7.
- Nikolov, M. (1961). *Po vurkhovete na ruskata literatura* [At the top of Russian literature]. Sofiya, Bulgarski pisatel. 208 p.
- Penev, B. (1972). Stenografski doklad ot 1920 g., kojto preporuchva pred Akademicheskaya suvet Ivan Bunin da chete lektzii po ruska literatura [A shorthand report from 1920, which recommended to the Academic Council Ivan Bunin to give lectures on Russian literature]. In *Ezik i literatura*. No. 3, pp. 61–64.
- Perepiska I. A. Bunina i P. M. Bitsilli (1931–1951) [Correspondence between I. A. Bunin and P. M. Bicilli (1931–1951)]. (2010). In Korostelev, O., Devis, R. (eds.). *I. A. Bunin. Novye materialy*. Moscow, Russkij put'. Issue 2, pp. 109–178.
- Radev, I. (2014). Ivan Alekseevich Bunin i bulgarskata literatura [Ivan Alekseevich Bunin and Bulgarian literature]. In *Bulgarsko-ruski sreshhi v literaturata na XIX–XX vek*. Sofiya, Akademichno izdatelstvo «Prof. Marin Drinov», pp. 199–230.
- Todorov, Ts. (2010). *Zavladavananeto na Amerika. Vuprosut za drugiya* [The conquest of America. The question of the other]. Sofiya, Iztok – Zapad. 323 p.
- Tsvetkov, L. (1994). Malcho Nikolov [Malcho Nikolov]. In *Rechnik po nova bulgarska literatura*. Sofiya, Khemus, pp. 251–252.

Данные об авторе

Петкова Галина – доктор филологии, доцент кафедры русской литературы Факультета славянских филологий, Софийский университет «Св. Климент Охридский» (София, Болгария).

Адрес: 1504, Болгария, София, Бул. «Цар Освободител» № 15.

E-mail: petkova@slav.uni-sofia.bg.

Author's Information

Petkova Galina – Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Literature, Faculty of Slavic Studies, Sofia University «St. Kliment Ohridski» (Sofia, Bulgaria).